

Варшавский национальный театр показал премьеру пьесы А. Арбузова «Двенадцатый час». На снимке: Катя — артистка Елизавета Вилувна, Ромка Безенчук — артист Ежи Казакевич.

ДЕСЯТЬ ХОРОШИХ ДНЕЙ в Польше

Алексей АРБУЗОВ

Н ЫНЕСНИИ театральный сезон в Польше богат яркими и разнообразными спектаклями. Естественно, что за те десять дней, которые я провел там, мне не удалось посмотреть и половины представлений, горячо рекомендованных польскими друзьями. Но и то, что я видел, порадовало меня ярким своеобразием, неповторимостью решений, изяществом и, может быть, даже некоторым шегольством актерской игры. На первое место, впрочем, по-прежнему приходится все же поставить польских сценографов — художников театра. Не страдая излишествами формы, они в каждом отдельном случае находят удивительно точное, экономное и экспрессивное решение сценического пространства, которое почти всегда умело и рационально использует режиссура. Это — второе слабое место польского театра.

Я вовсе не хочу сказать здесь, что художники и режиссеры оттеснили актера на задний план — напротив, они отвели ему центральное место, создав весьма выгодные условия для его, если так можно выразиться, сценического блистания. Однако при этом они вовсе не торопятся умереть в актере, они упрямо напоминают и о себе лично, что в конечном итоге оказывается не так уж плохо.

Признаться, я убежден, что в театре правда — это то, что выразительно. Кошунственным это может показаться только с первого взгляда, затем начинаешь понимать, что, пожалуй, так оно и есть.

Одной из отличительных черт польского актера, мне, к слову сказать, весьма симпатичного, является его удивительное умение понимать и играть жанр. Польскому актеру, пожалуй, глубоко не свойственно изображать некую «жизнь вообще», паразитно точно умеет он отделить трагедию от драмы, а комедию от гротеска, пользуясь каждый раз особыми, только данному жанру свойственными выразительными средствами.

Когда думаешь о виденных в Польше спектаклях, прежде всего вспоминается, конечно, «Карьера Артура Уи», которую мне посчастливилось увидеть в Варшавском современном театре в постановке замечатель-

ного режиссера Эрвина Аксера. Это прежде всего спектакль большой политической мысли, темперамент антифашиста Брехта выражен здесь с поражающей силой. Игра Тадеуша Ломницкого в роли Артура Уи (прототип Гитлера) потрясает своей предельной выразительностью. Не прибегая к портретному сходству, актер играет как бы самую суть, самую душу фашизма. Но вот с каждым новым эпизодом, рисующим восходящую линию карьеры проходимца Уи, в образе, создаваемом артистом, все более и более проступают знакомые по кинодокументам вполне реальные черты Гитлера. Однако эту реальность Ломницкий доводит до высшей театральной гиперболы, придавая всему спектаклю мощное современное звучание.

Представление совсем иного строя показал Варшавский национальный театр. Старинная польская мистерия «История о слезном воскрешении господнем», осуществленная режиссером Казимежем Дэймеком, знакомит нас с первым, как бы вступительным аккордом польской театральной поэзии. Площадное, народное зрелище, где-то близкое, быть может, краскам вахтанговской «Турандот», но полное, однако, прелестью детской наивности, сочетается здесь с самым высоким лиризмом сценического повествования.

До последнего времени Варшавский национальный театр существовал несколько инерционно. Творческое его лицо было недостаточно отчетливо и своеобразно, словом, коллектив испытывал столь знакомый многим академическим театрам кризис руководства. Приход из Лодзи одного из интереснейших режиссеров Казимежа Дэймека, несомненно, изменит это положение — уже сейчас театр живо и горячо преобразует свою работу, труппа пополняется лучшими актерами, идут репетиции новых спектаклей, чувствуется, что в коллектив пришел настоящий руководитель.

Этой весной польское театральное искусство будет представлено на Парижском фестивале наций варшавским театром «Атенеум». Мне посчастливилось увидеть те два спектакля, которые будут показаны парижскому зрителю. Я думаю, что он по достоинству оценит все своеобразие актерского таланта Ясека Воше-ровича, показывающего в своем Ричарде Третьем удивительно современного, чело-вечного Шекспира. Видно, так же как и я, парижане будут очарованы очень национальным по своей сути, озорным и темпераментным музыкальным представлением «Шкатулка с песенками», возобновленным в соответствии с планом знаменитого в свое время польского режиссера Леона Шиллера.

Нельзя не упомянуть и строго по своей форме постановку Краковским старым театром пьесы Роже Вайана «Элоиза и Абеляр», где с таким острым психологизмом играет великолепное актерское трио — Збигнев Гуйчек (Абеляр), Иоланта Ганич (Элоиза) и Иржи Новак (Вилиберт). Экономия, поэтичность, изящество, экспрессия — вот слабые стороны этого умного спектакля, поставленного Иржи Крейчмером.

В Варшавском национальном театре я, как и подбает всякому автору, с изрядным волнением смотрел премьеру своей пьесы. «Двенадцатый час» поставлен режиссером Стефаньей Доманской как бытовая, реалистическая драма, в тра-

дичиях скорее русского, нежели современного польского театра. Точное распределение ролей и подробная психологическая разработка режиссурой характеров драмы внушают большое уважение к работе театра. Успех, который имеет спектакль, подтверждает, конечно, и тот интерес, который за последнее время испытывает польский зритель к современной советской драматургии.

Не скажу, что я не чувствовал радости, глядя на великолепную актерскую игру Ежи Казакевича в роли Ромки Безенчука. На мой взгляд, это не только лучшее исполнение данной роли, — суть в большем: актер заставил польского зрителя полюбить своего героя, неспокойного, страстного и трогательного юношу.

Особенно радостно, что решающего успеха наши польские друзья добились в самом сложном — в создании современного положительного характера. Умный и добрый юмор актера озарил своим светом неказистую на вид фигуру этого парня, комсомольца двадцатых годов нашего века, и зритель принял его, сделал своим героем.

Драматично, тонко и душевно играет Анну Еву Краснодебска, а ее отличным партнером является многоликий Орест Петровых в исполнении Тадеуша Бартошка. Молодость и обаяние Елизаветы Вилувны (Катя) отлично сочетаются в спектакле с уверенным мастерством Анджея Шелявского (Кирилл Каретников).

Удачны в спектакле и многие другие исполнители, но мне все же хочется предьявить к спектаклю одну претензию — театр не слишком обратил внимание на авторское определение жанра — трагикомедия. На мой взгляд, это редкое отступление от правил в польском театре, где жанр, как я писал, всегда играет очень точно.

Спектаклю, особенно в последней части, недостает резкости и остроты театрального гротеска, чуть фантастических красок пира во время чумы, которые, как мне кажется, все же присутствуют в пьесе. Некоторая ровнота режиссерского решения и недостаточная выразительность вещественного оформления, несомненно, снижают накал этой интересной работы.

В беседе со мной авторы спектакля и критики объяснили некоторую робость заключительной части представления тем, что, как им казалось, советской драме противопоставлены резкие театральные решения и что ей более приличествует бытовая интонация.

Я не во всем согласился с польскими друзьями и, кажется, доказал им, опираясь на режиссерские примеры Вахтангова, Мейерхольда, Алексея Дикого, Плучека и других мастеров нашей режиссуры, что советскому театру далеко не чужды театральные гротеск и смелая гипербола.

Думаю, что эта маленькая дискуссия имела смысл и значение для обеих сторон, ибо завершилась искренним желанием встретиться в будущем на новой совместной работе.

Я покидал Варшаву, ошеломленный театральными впечатлениями — еще раз я убедился, как велико и разнообразно искусство театра и как не страшно ему ни кино, ни телевидение, ежели оно, это искусство, не теряет тех свойств, которые и отличают его от остального, — я говорю об умной, хорошо понятой театральности.

Кстати, а не слишком ли мы редко встречаемся с нашими друзьями? Я убежден, что Москва радушно встретила бы появление на наших сценах лучших польских спектаклей. Право, это было бы взаимно полезно.